

А.Б. Сергеева (Москва, Россия)

Креативность современного французского языка: конкуренция двух систем

Аннотация: В современном французском обществе широко распространено мнение о том, что родной язык разрушается, отступает под натиском языка-конкурента, а именно, английского. Ясность и точность французской аналитической структуры приносятся в жертву лаконичной эффективности английской синтетической модели. Частотными становятся явления, затрагивающие «основное ядро» французской морфосинтаксической системы, такие, к примеру, как препозиция определяющего, модель беспредложной синтаксической связи, инверсированный словопорядок в создании композитов. В статье развивается тезис о том, что изменения в инструментах языковой креативности, связанные с освоением языком заимствованных синтетических моделей и новых возможностей словопроизводства, говорят не о деградации и «порче» языка, а о его гибкости, способности к обновлению и динамичному развитию.

Ключевые слова: конкуренция систем, англицизмы, аналитизм, синтетическая модель, словопорядок, композиты, языковая креативность

А.В. Sergeeva (Moscow, Russia)

The Deceptive Pliability of Modern French: Two Systems' Competition

Abstract: In modern French society, it is widely spread that the native language is being destroyed, receding under the onslaught of a competitor language, namely, English. The lucidness and precision of the French analytical structure are sacrificed to the laconic effectiveness of the English synthetic model. The corrections of the “main core” of the French morphosyntactic system (such as, for example, the preposition of the determinant, the model of the syntactic communication without preposition, the reverse word order in the creation of composites) become frequent. The article elaborates the thesis that changes in the tool-kit of linguistic formation associated with the mastering the foreign language patterns and new word production features, do not reveal the degradation and “spoilage” of the language, but for its flexibility, capacity to update and development.

Key words: systems' competition, anglicisms, analyticism, synthetic model, word order, composites, “pliability” of the modern French

Несмотря на восходящую еще к эпохе Возрождения идею «защиты и прославления великого французского языка» и традиционную гордость, испытываемую французами за свой язык, в современном французском обществе широко распространено мнение о том, что родной язык разрушается, отступает под натиском языка-конкурента, а именно, английского. Не рассматривая подробно объективных экстралингвистических причин современной экспансии английского: в первую очередь необходимости новых номенклатурных номинаций в различных областях, таких, к примеру, как передовые технологии, информатика, бизнес, музыка, спорт и др., а также увеличения контактов между странами, факторов престижа и моды, – мы хотели бы остановиться на собственно лингвистических аспектах подобной экспансии.

Первые тревожные сигналы об опасности английской агрессии стали раздаваться в середине XX в. Тревога за состояние родного языка уже тогда выливалась в гневные заявления видных французских лингвистов, призывавших к активному противодействию английскому влиянию. Так, О. Соважо писал (цит. по: [Hagège 1987: 141]: «[Le] trouble peut aller si loin que nous ayons affaire à une transformation complète de la structure de la langue française et par conséquent de la mentalité française. Dans ces conditions, il faut réduire les emprunts»). Ощущение опасности от экспансии английского языка усилилось в 1960-е гг., когда вышла книга-памфлет Р. Этьямбля «Parlez-vous franglais?», в которой автор представляет и описывает le franglais как самостоятельный, автономный язык со своей морфосинтаксической структурой, воспринимая его распространение как свидетельство «обеднения» родного языка, как серьезную угрозу, ведущую к утрате общих ценностей и национальной идентичности [Etiemble 1964]. Таким образом, уже в книге Этьямбля затрагивался вопрос не только о собственно лексических, естественно, самых заметных, заимствованиях из английского и американского языка, но и о более «скрытом» влиянии английской языковой системы, о ее ползучем проникновении в область французской фонетики, орфографии, морфологии и синтаксиса.

Новое телескопное наименование – le franglais – вскоре стало общеупотребительным, и, начиная с этого периода, французское лингвистическое сообщество разделилось на два лагеря. Одни, призывая к защите от **деградации** некогда великого французского языка, ратуют за «объявление войны» англицизмам. Французский язык тяжело болен, утверждают они, его надо спасти от «патологического» влияния английского, и, продолжая использовать медицинскую метафорику, призывают «anesthésier» le français, «éliminer le virus étranger», «purchasser le cancer» [Etiemble 1964; Merle 2007; Gilder 1993; Noguez 2000].

Сторонники более спокойного и реалистичного взгляда на проблему воспринимают английские заимствования как естественный процесс **обогащения** словаря, свидетельствующий об эволюционном развитии и жизнеспособности языка, которая проявляется, в частности, в том, что заимствованная единица начинает подчиняться правилам, свойственным именно французской, а не английской языковой системе. Так, например:

– образование глаголов от английских заимствованных единиц происходит по продуктивному во французском языке способу конверсии (N.>V.) при помощи глагольных окончаний регулярного спряжения на -er: англ. to clash > фр. clash, n.m. (конфликт, резкая размолвка, разрыв) > *clasher* (... *quelque part, il fallait bien que les Beatles finissent par clasher...*); англ. cocoon > фр. *cocooner*, а также *googler*, *tweeter*, *surfer*, *looker*, *flipper*, *pitcher* (faire le résumé d'une histoire, d'une aventure) и многие другие. Затем образованный по французской модели глагол становится словообра-

зовательной основой для дальнейшей деривации: *looker* > *looké*; *flipper* > *flippé*, *flippant,e*; *cocooner* > *cocoonneur*;

– возвратное значение глаголов, образованных от английских единиц, реализуется по правилам французской грамматики: англ. *to crash* > фр. *crash*, n.m. (обвал, крушение) > *se crasher*; англ. *to relax* > фр. *se relaxer*;

– на основе английских заимствований появляются новые единицы с французскими префиксами: *La journée a été stressante, je n'ai pas envie de restresser ce soir*; *Je suis surbooké*; *surspeedé*; *bogue* > *boguer* > *déboguer*;

– агентивные значения существительных и отыменные прилагательные образуются при помощи французских суффиксов: *tagueuse*, *rappeur*, *zappeur*; англ. *folk* > фр. *folkeux*;

– происходит восстановление французского словопорядка: *un reportage (disque, spectacle, musique) live*; *la presse people*;

– усваиваемые языком английские структурные кальки порождают ряды оригинальных французских единиц: *prêt-à-porter* (англ. *ready-to-wear*) > *prêt-à-jeter*; *prêt-à-enseigner*; *prêt-à-jouer*; *prêt-à-penser*; *prêt-à-voter* и т. д.;

– с семантической точки зрения заимствованная единица лишь частично конкурирует с аналогичным существующим французским словом, поскольку очень редко англицизм заимствуется во всех своих значениях. К примеру, заимствованный глагол «*se crasher*» не угрожает французскому «*s'écraiser*», поскольку *se crasher* не покрывает всех значений *s'écraiser*. Англицизм не изгоняет исконное французское значение, с которым слово продолжает употребляться, а, напротив, является источником обогащения, способствующим развитию полисемии французского словаря. Так, английское значение существительного *réhabilitation* – «реставрация обветшалых зданий, старых кварталов» – не вытесняет его французского значения «реабилитация», с другой стороны, и слово «*restauration*» продолжает употребляться как в значении «реставрации бывшего политического режима», так и в значении «реставрации древних памятников»;

– в процессе адаптации происходит дальнейшее семантическое развитие заимствованных единиц: *surbooking* > *surbooké* («переполненный» > «перегруженный делами, работой»: *aujourd'hui, je suis surbooké*); *squatter* («занять незаконно заброшенное помещение» > «остановиться у кого-то»: *je vais squatter chez Marc* > «захватить чье-то место»: *le chat a squatté mon fauteuil*).

Без сомнения, приведенные факты свидетельствуют о живучести французской словообразовательной и синтаксической системы, о развитии ее семантического потенциала, а значит, и о жизнеспособности языка. Подобную точку зрения разделяют многие французские исследователи, такие, например, как Анриетт Вальтер, Марина Ягелло и Клод Ажеж. Главное, указывает М. Ягелло, «что лексические заимствования не нарушают **синтаксической структуры** французского языка» [Yaguello 1991: 50]. Поскольку структуры языка, продолжает К. Ажеж, остаются незыблемыми – признак того, что основное ядро французского языка (*le noyau dur du français*), а именно – его морфология и синтаксис, остается не затронутым. В своей известной книге «*Le français et les siècles*» автор пытается объяснить, что даже в случае проникновения во французский язык некоторых синтаксических моделей, свойственных английскому языку, это не свидетельствует о «заражении» французского языка англо-американскими структурами, это говорит лишь о том, что подобные конструкции были ранее свой-

ственны старофранцузскому и что они вернулись в современный французский через посредничество родственного английского языка, «возрождая иссохшие со временем истоки» [Hagège 1987: 61].

Тем не менее нельзя не заметить, что современный язык изобилует примерами «нарушений» этих ядерных морфо-синтаксических структур. Частотными становятся такие явления, как: препозиция определяющего (*les éventuels problèmes, un possible candidat, l'actuel gouvernement, une rapide solution*), использование прилагательных в наречной функции «на английский манер» (*he can do it easy – Il peut le faire facile*, а также: *Il est arrivé facile (=sans difficulté); Je vois triste; Il pense plus large et plus profond*), инверсированный словопорядок в создании композитов (*vidéosurveillance, fraisculture*), – и прочие случаи, которые будут рассмотрены нами далее. Насколько деструктивны для французской языковой системы подобные нарушения? С чем связано их распространение? И насколько можно разделять пессимистические взгляды на судьбу французского языка?

На наш взгляд, примеры использования английских синтаксических структур для лексических нужд французского языка являются не столько результатом конкурентного столкновения двух языков, «вытеснения» и «разрушения» одного языка другим, и даже не столько возвращением к своим историческим возможностям, сколько **новым современным** источником языковой креативности для французского языка, *расширяющего* потенциал своей собственной системы.

Известный постулат о «ясности» французского и «эффективности» английского связан с выраженными тенденциями к аналитизму первого и синтетизму второго. Так, аналитический по своей природе французский язык использует прогрессивный словопорядок, идущий от определяемого к определяющему: *pluie acide*, где идея «вида» естественным образом предшествует ассоциативной характеристике. И напротив, синтетический английский нарушает естественный словопорядок, как бы перевертывая ассоциативно-логическую последовательность, перемещая определяемое в постпозицию: *acid rain*. Для связи двух понятий в единую номинацию французская аналитическая система требует присутствия связующего предлога: *boîte aux lettres, lettre d'information*. Функция предлога – уточнить природу отношений между компонентами. Это последующее уточнение и есть проявление аналитизма. Однако английский язык чаще всего обходится беспредложной связью, сопоставляя два имени в «регрессивном» порядке «определяющее → определяемое» и нарушая тем самым естественную синтаксическую последовательность: *mailbox* (амер.), *letterbox* (англ.), *newsletter*.

Важно то, что эта беспредложная связь оказывается крайне эффективной для языковой креативности. Полагаем, что именно эта облегченность номинации служит источником динамичного пополнения словаря, что и проявляется во французском языке в настоящее время в связи с возросшей потребностью в новых номенклатурных обозначениях. И современная лексическая гиперактивность французского проявляется не только в массивных потоках лексических заимствований из английского, типа *newlook, happy-end, serial killer, sex(e)-symbol(e), top secret, big boss, First Lady* и пр., но и в первую очередь – что важно! – **в собственно французских образованиях**, французских неологизмах, строящихся по заимствованной «синтетической» модели, что существенно расширяет словообразовательные возможности родного языка.

Под **синтетической моделью** мы понимаем конструкцию, которая – по морфологическим особенностям (например, по причине отсутствия артикля и предлога) – нарушает привычный синтаксис фразы. При сравнении таких композитов, к примеру, как *potte de terre, machine à coudre*, с одной стороны, и *appareil-photo*,

pause-café – с другой, становится очевидно, что первые обязаны своим появлением узусу, привычному воспроизведению синтаксически правильного высказывания, тогда как вторые фиксируют нарушение привычного синтаксиса, что связано с невыраженностью синтаксических связей между компонентами: *appareil (de) photo, pause (pour le) café*. Первые созданы в соответствии с аналитической моделью, тогда как вторые – с синтетической. Все, что порывает с правилами «естественного» синтаксиса фразы, требующими точного и дифференцированного выражения отношений между словами, предстает в виде синтетической по своей природе модели. Аналитическая система французского языка приспособлена к созданию «естественных» для его структуры композитов, типа *romme de terre*, так же как и для восприятия английских калек с легко восстанавливаемым прогрессивным словопорядком типа *gel nucléaire (nuclear freeze), marée noire (black tide)*, не влияющих каким-либо особым образом на язык. Однако насущная необходимость в быстром номенклатурном обогащении, ощущаемая в наше время, и влияние конкурирующей языковой системы подталкивают французский язык к эволюции, идущей вразрез с присущими ему морфо-синтаксическими механизмами креативности. И если на пути своего исторического развития для пополнения словаря французский язык традиционно обращался к синтетическим возможностям классических языков, черпая в них не только словообразовательные форманты, но и правила синтаксической связи компонентов, то сегодня к этому источнику заимствований добавились эффективные для словотворчества и более экономичные синтетические возможности английского.

К примеру, широкое распространение получает словообразовательная модель *Nom + Nom*, содержащая в основе эллипсис предлога, который в традиционном французском синтаксисе является необходимым показателем подчинительной связи между элементами целого: *assurance vie, rayon femme, crédit-vacances, nuit-cinéma*. Ту же тенденцию обнаруживают существительные, выступающие по конверсии в роли сложных прилагательных: *missile air-mer, dialogue Nord-Sud, formule location-vente*. Данные Словаря современных слов П. Жильбера ([Gilbert 1980]) говорят о том, что количество именных сложений по модели *N.+N.* более, чем в 10 раз превышает количество глагольно-именных образований [Халифман, Макеева, Раевская 1983: 86]. Такие композиты свободно образуются в речи, и их сочетаемость практически не ограничена (*les usagers TGV, le problème Japon, l'année Van Gogh* и т. д.).

В рамках той же модели *N.+N.* расширяется возможность использования второго именного компонента в разных синтаксических позициях (*un livre événement, un journaliste éponge, un spectacle salade, un maquillage-minute, le vote Mitterrand...*), о формальном статусе которых (приложение, определение, именная часть сказуемого или дополнение) ведутся непрекращающиеся дискуссии и споры [Picone 1991; Picone 1992; Brunet 1996: 156–159; Slakta 1991; Noailly 1990].

Широта распространения в современном языке синтетической беспредложной модели иногда даже связывается некоторыми лингвистами со старофранцузским наследием, а именно, с использованием *le génitif de juxtaposition* в конструкциях типа *hôtel-Dieu, la feste Saint-Michel* («la fête de Saint-Michel») и с «возрождением» этой модели в наше время в таких выражениях, как, например, *Air France, voiture Renault, prix Carrefour* [Picone 1992: 18].

Мы полагаем, что привлекательность беспредложной именной модели, ее актуальность для современного языка связаны с быстро возрастающей потребностью в новых емких и кратких номинациях. Сжатость формы (*les années Cigale, l'immigra-*

tion-invasion), ее неполная, по сравнению с аналитической конструкцией, «ясность» и однозначность будят воображение, стимулируют быстрое и легкое порождение новых соположений, столь востребованных в наше время в медийном пространстве: «Comment gérer son capital jeunesse»; «Contrex, mon partenaire minceur»; «Le Débat analyse avec sobriété une “victoire problème”, alors que d’autres assurent que des faux chômeurs encombrant les stages parkings»... Привлекательность «сжатых» и кратких моделей с прямым соположением компонентов способствует их проникновению в язык рекламы, изобилующий конструкциями, представляющими собой смесь английских и французских морфосинтаксических черт: *étoile cuisine, soleil bar, éclair service, agence flash, Arras Film Festival, Stop Protect rhume*... – и доминированию. С другой стороны, надо заметить, что навязчивое использования беспредложных моделей в языке рекламы вызывает бурные протесты «потребителей» этой рекламы – самих французов, активно высказывающихся в сети Интернета против скрытого английского влияния, нарушающего ясность и точность французской аналитической системы: «*Stop Protect rhume*!» Quand la langue de Molière reste soucieuse de faire ressortir les relations entre les choses, celle de Shakespeare ne recule pas devant la simple juxtaposition, et débrouillez-vous, les gars!»; «*Arras Film Festival*»... Pauvre France! – сокрушаются французские блогеры: ça en devient lassant! Французская исследовательница М. Ноайи высказывается более категорично, говоря о возможном «завершении» аналитического пути французского языка и о его «возвращении» на путь синтетизма, о попытках перехода к формам «более общим, более первичным, примарным», с меньшим количеством артиклей, суффиксов и предлогов: «Notre langue, parvenue au bout de son chemin “analytique”, reprendrait la route en sens inverse et s’essaierait à des formes syntaxiques plus brutes, plus primaires, plus immédiates, avec moins d’articles, moins de suffixes, moins de prépositions» [Noailly 1990: 13].

Приведенные примеры выявляют еще одну новую заметную черту в образовании композитов, а именно, стремление к **обратному**, по сравнению с соответствующими словосочетаниями, **словопорядку**: *Sud-américain* vs de l’Amérique du Sud, *filoguidé* vs guidé par un fil, *tennis-club* vs club de tennis. Эта новая синтетическая модель позволяет исследователям видеть в явлениях такого рода проявление глубинных изменений системы французского языка. Такой точки зрения придерживается М.-Д. Пикон, выявляя тенденцию движения французского языка в сторону синтетизма, связанную с влиянием англо-американского языка [Picone 1991].

Полагаем, что импульсом к отмеченной современной тенденции в словосложении может быть сочетание сразу двух факторов: лаконичной эффективности английской системы и традиции использования классических образцов, дающих в распоряжение французскому языку определенное количество структурных моделей, в результате чего язык начинает прибегать к регрессивному словопорядку **как к новой продуктивной возможности словотворчества**.

Так, в настоящее время активное пополнение словаря происходит в области так называемых «научных композитов», появляющихся в результате заимствования отдельных формантов из древних языков – латыни и греческого – и строящихся по классическим структурным моделям.

Традиционно «научные» сложные слова создаются при помощи латинских или греческих корней. Часто соединяются элементы, происходящие из одного источника: греческого, с соединительной гласной -o- (*antropologie, thalassothérapie, chronomètre, hydrogène*), или латинского, с соединительной гласной -i- (*multicolore, homicide, calorifère, viticole*). Иногда композиты имеют гибридный характер (лат. + греч.): *génocide, monocle, apithérapie*.

Новой тенденцией современного языка является производство сложных слов путем соединения латинских или – чаще – греческих элементов с *исконными французскими основами*, и эта модель становится все более продуктивной: *iconothèque, écomusée, agroalimentaire, hydrocarbure, narcotrafiquant, véliplanchiste* и т. д. Наличие соединительных гласных «-i-» (по латинской модели) и «-o-» (по греческой модели) облегчает процесс создания новых единиц. Большинство таких слов не являются заимствованиями, так как не существовали в древнем языке-источнике, их называют «*les récomposés*», т. е. «восстановленными» из древних форм словами, или же «*les composés néoclassiques*», «неоклассическими композитами». Все они результат **современного французского словопроизводства**, активно использующего для пополнения своего словаря существовавшие в классических языках синтетические модели.

Иногда происходит и объединение двух исконных французских основ: *riziculture, placoplâtre*. Важно то, что модель соединения двух элементов нового композита остается «научной» в том смысле, что порядок их следования инверсирован по сравнению с прогрессивным словопорядком в соответствующем словосочетании: *riziculture vs culture du riz; placoplâtre vs plâtre en plaques*.

Многочисленные «гибридные» композиты приводят к появлению новых элементов сложных слов, проявляющих тенденцию к обособлению и дальнейшей словообразовательной продуктивности. К примеру, активно используется элемент *moto-*, обособившийся от «*moteur*» (*motocycle, mototracteur...*), вычленяются элементы *euro-* из «*Europe*» (*euroseptique, euro-optimisme, eurodéputé*), *toxico-* от «*toxique*» (*toxicomane*), *séro-* от «*sérum*» (*séropositif, sérodiagnostique*). Креативную способность приобретают и другие форманты: *narco-* (*narcotrafiquant*), *véli-* (*véliplanchiste*), *fraisi-* (*fraisiculture*), *techno-* (*technopôle*), *éco-* (*écomusée*), *api-* (*apithérapie*), *vidéo-* (*vidéosurveillance*).

По примеру классических образцов производства «научных» сложных слов в современном языке появляется новая модель, использующая в качестве словообразовательного форманта усеченную форму исконно французского слова «наподобие» латинского форманта. Так, слово *publicité* усекается до «псевдолатинского» элемента *publi*, дающего возможность для дальнейшего словопроизводства с регрессивным словопорядком, например: *publireportage, publipostage*, заменяющее англ. *mailing*. То же явление наблюдаем и в следующих случаях: *information > info > infopanneau; cinéma > ciné > ciné-club*.

Вышеизложенное с очевидностью демонстрирует, что строгие французские правила образования сложных слов начинают расшатываться, а словообразовательные механизмы высвобождаются из сдерживающих рамок.

В этой связи отметим еще одну новую возможность возросшей языковой креативности, связанную со словообразовательной активностью префиксальных элементов (префиксоидов или псевдопрефиксов, по терминологии П. Жильбера и М. Пикона). Если традиционно функция частеречной транспозиции закреплялась за суффиксами (*vendre > vendeur, glace > glacial*), а префикс приносил в семантику словообразовательной основы лишь незначительные модификационные изменения (за редкими исключениями типа *lit > aliter, rouille > dérouiller*), оставляя производное в том же лексико-грамматическом разряде слов, что и производящее (*lasser > délasser, producteur > coproducteur*), то сейчас все чаще префиксальные элементы, такие как, например, *anti-, multi-, micro-, omni-, tout-* и пр., проявляют способность к транспозиционному переносу производных существительных в класс прилагательных: *peinture antirouille, système antiviol, four micro-ondes, voi-*

ture *tout-terrain*, *palais omnisports* и т. д. Эта новая возможность деривации свидетельствует о существенном изменении представления о префиксальном словообразовании, которое традиционно противопоставлялось по функции суффиксальной деривации [Guilbert 1986].

Описанные нами важные изменения в инструментах языковой креативности, связанные с освоением языком новых синтетических моделей и новых возможностей словопроизводства, говорят не о деградации и «порче» языка, а о его гибкости, способности к обновлению и динамичному развитию, свидетельством чему является бурная неологическая активность французского языка в настоящее время.

В этой связи уместно привести в заключение высказывание французской исследовательницы С. Брюне, оптимистический взгляд которой на современное состояние языка мы разделяем: «La langue française n'est pas condamnée [...], elle fait face grâce à des mécanismes vitaux sans cesse renouvelés qui lui permettent de s'accroître là où personne ne l'attend...» [Brunet 1996: 8].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Халифман Э.А., Макеева Т.С., Раевская О.В. Словообразование в современном французском языке. М.: Высшая школа, 1983. 128 с. / Khalifman E.A., Makeeva T.S., Rayevskaya O.V. (1983) Word Formation in Modern French. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 128 p.

2. Brunet S. (1996) *Les mots de la fin du siècle*. P.: Belin. 255 p.

3. Etienne R. (1964) *Parlez-vous français? P.*: Gallimard. 382 p.

4. Gilbert P. (1980) *Dictionnaire des mots contemporains*. P.: Les usuels du Robert. 739 p.

5. Gilder A. (1993) *Et si l'on parlait français? P.*: Le Cherche-Midi éditeur. 114 p.

6. Guilbert L. De la formation des unités lexicales. En: *Grand Larousse de la langue française*, tome 1. P.: Larousse, 1986. P. XLIV.

7. Hagege Cl. (1987) *Le français et les siècles*. P.: Odile Jacob. 317 p.

8. Merle P. (2007) *Le français mal-t-à-propos*. P.: l'Archipel. 255 p.

9. Noailly M. (1990) *Le substantif épithète*. P.: PUF. 221 p.

10. Noguez D. Une crise du français?. En: «Tu parles!?» P.: Flammarion, 2000, pp. 39–48.

11. Picone M.-D. L'impulsion synthétique: le français poussé vers la synthèse par la technologie moderne. *Le français moderne*. P., 1991. No 59, pp. 148–163.

12. Picone M.-D. Le français face à l'anglais: aspects linguistiques. *Cahiers de l'AIEF*. P., 1992. No 44, pp. 9–23.

13. Slakta D. Gauche caviar et couscous pacha. *Le Monde*. 1991. 8 nov.

14. Yaguello M. (1991) *En écoutant parler la langue*. P.: Le Seuil. 134 p.

Сведения об авторе:

Александра Борисовна Сергеева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra B. Sergeeva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ab-sergeeva@mail.ru